

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

14 октября 1971 г. на Бюро Отделения литературы и языка АН СССР обсуждалось сообщение главного редактора журнала «Вопросы языкознания» чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филина о перспективах работы журнала. Докладчик отметил, что за 20 лет своего существования журнал, являющийся центральным органом советского теоретического языкознания, завоевал прочное признание и авторитет среди отечественных и зарубежных языковедов. В настоящее время журнал является одним из ведущих и наиболее влиятельных лингвистических журналов мира. Не ставя своей задачей дать оценку всей истории работы журнала в целом, докладчик обратил внимание на некоторые его удачи и промахи. К первым следует отнести, помимо ряда весьма серьезных и теоретически важных публикаций, также, например организацию лингвистических дискуссий; некоторые из них продолжают в полной мере сохранять свое научное значение и по сей день. Это прежде всего дискуссия по стилистике, дискуссия об армянском консонантизме; в ходе последней журнал опубликовал материалы, по своему значению равные научному открытию. Дискуссия об аканье прошла менее удачно. К недостаткам в работе журнала, по мнению докладчика, следует отнести непропорционально большое количество публикаций частного характера на узкую тему, общетеоретическое значение которых невелико, а также неравномерную работу отдела рецензий, где далеко не всегда получали освещение крупные лингвистические работы, особенно отечественные. В последнее время журнал пережил трудный в организационном отношении период, и в этой связи следует отметить заслуги покойного акад. В. М. Жирмунского, бывшего отв. секретаря Н. И. Толстого и сотрудников редакции.

Обращаясь к задачам журнала, Ф. П. Филин подчеркнул важность хорошей организации первого раздела журнала — передовых статей, призванных отражать наиболее существенные моменты развития и состояния отечественного языкознания. Основным направлением жур-

нала является отражение итогов языковедческих исследований на базе марксистско-ленинской методологии. Журнал будет бороться за простоту и доступность изложения сложных теоретических вопросов, за ясность мысли, имея в виду обращение не только к узкому кругу специалистов, но и к более широкой языковедческой аудитории. Журнал призван освещать на своих страницах все центральные вопросы, поднимаемые сегодня мировой языковедческой наукой, отражать различные научные направления и тем самым участвовать в борьбе с чуждыми марксизму идеологическими течениями. Докладчик назвал ряд статей по социолингвистике, по творческому освоению марксистско-ленинского наследия и по другим вопросам, которые уже публикуются в журнале.

Выступая в прениях, чл.-корр. АН СССР Б. Л. Сучков подчеркнул важность отражения на страницах журнала исследований по семиотике, которые до сих пор недостаточно освещались «Вопросами языкознания». Не менее важно и отражение поисков научной мысли в области постижения системной (или асистемной) организации изучаемых объектов. Чл.-корр. АН СССР В. Н. Ярцева, говоря об общем направлении журнала, подчеркнула важность типологических исследований и исследований знаковой природы языка. Журнал должен учитывать, какая область мирового языкознания испытывает наибольший подъем в данный момент, и отражать и даже превосходить разработку соответствующих вопросов. В этом смысле очень важны информационные отделы журнала, в том числе отдел рецензий. Чл.-корр. АН СССР Р. А. Будагов выступал против лженаучной манеры оснащения любых языковедческих рассуждений числовыми выкладками, за обращение к темам, разработка которых должна вестись в тесной связи с результатами исследований других общественных наук, в частности, к темам социолингвистическим. Чл.-корр. АН СССР В. И. Борковский пожелал журналу яснее формулировать редакционную точку зрения при подведении итогов дискуссий, давать больше рецензий на советские издания, стремиться

к доходчивости публикуемых материалов. Чл.-корр. АН СССР Б. А. Серенников, касаясь вопроса об идеологической борьбе в области языкознания, подчеркивал необходимость лучшей осведомленности относительно чуждых нам работ, повышения профессионального уровня критики. Чл.-корр. АН СССР А. В. Десницкая выступала по вопросу о приоритете отечественной науки. Недостаточное внимание к наследству, к истории отечественного языкознания, особенно советского, нередко приводит к тому, что наши работы остаются неизвестными на Западе, как это случилось с социолингвистическими исследованиями тридцатых годов, результаты которых не учитываются современными американскими социолингвистами. А. В. Десницкая предложила чаще обращаться к жанру обзоров, показывающих состояние разработки той или иной проблемы. Она предложила также организовать раздел «Из истории советского языкознания».

В заключительном слове Ф. П. Филин, отвечая на вопросы, пожелания и предложения, подчеркнул, что журнал будет достаточно широко отражать различные научные направления и публиковать наиболее важные, принципиально значимые исследования.

Подводя итоги обсуждения, академик-секретарь ОЛЯ АН СССР М. В. Храпченко говорил о том, что журнал должен находиться в центре проблем международной лингвистической жизни, широко обсуждать наиболее насущные вопросы языковедческой науки. В качестве примера М. В. Храпченко указал на то, что вопросы прогнозирования развития языка совсем не отражаются в журнале, а в то же время на страницах журнала печатается немало материалов, не имеющих общетеоретического значения. Важна и разработка проблем семиотики, без чего, например, трудно изучать проблемы взаимоотношения языка и мышления. Журнал призван широко отражать результаты исследований, ведущихся с позиций различных языковедческих школ и направлений.

В принятом на Бюро ОЛЯ постановлении была одобрена программа журнала на ближайшие годы. Одной из основных задач журнала, говорится в постановлении, является разработка и развитие марксистской теории языкознания. В постановлении рекомендуется существенно расширить проблематику публикуемых материалов, держать читателей в курсе важнейших достижений мировой лингвистики. На страницах журнала должна получать освещение разработка важнейших проблем советского языкознания. Свое место в публикациях журнала должны занять различные направления ведущихся исследований — вопросы социолингвистики, проблемы прогнозирования развития

языков, математические методы в языкознании, структурная лингвистика, семиотика и др.

О. Л., Г. Б., Г. С.

*

IV Международный конгресс логики, методологии и философии науки, проходивший с 29 августа по 4 сентября 1971 г. в Бухаресте, рассматривал общие вопросы методологии и философии науки (V секция), философские основы логики и математики (I, II, IV и VI секции), автоматы и языки программирования (III секция), а также методологию и философию конкретных наук (VII—XII секции), причем в XI секции рассматривались вопросы методологии и философии языкознания. Доклады на XII секции, посвященные истории логики, методологии и философии науки, обеспечили преемственность между тематикой бухарестского конгресса и недавно закончившегося московского XIII Международного конгресса по истории науки.

Всего в работе конгресса приняло участие около тысячи ученых более чем из двадцати стран мира. Делегацию СССР представляли около 100 ученых. Несмотря на большое количество докладов и сообщений (их было более 450), организаторы конгресса сумели обеспечить оперативность и четкость в работе всех секционных и пленарных заседаний Конгресса.

На первом пленарном заседании был прослушан доклад А. Гарского (США) «О современном состоянии теории множеств».

Большинство секционных докладов продемонстрировало интенсивное развитие аппарата формализации не только в области математической логики и математики и их практических приложений к конкретным наукам, но и в самих конкретных науках, представители которых пытаются создать уникальные формализмы. Примеры таких уникальных формализмов представлены, в частности, в докладе Р. Чокан-Ивэнеску (Румыния) «Применение математического мышления в современных исторических исследованиях», в докладе В. Лайнфеллера (США) «Аксиоматизация исторического времени», Д. Берлинеского и Г. Печника (США) «Формальные аспекты молекулярных биологических систем», Н. Джорджеску-Роген (США) «Мера информации: критика».

В работе всех секций большое внимание уделялось использованию электронно-вычислительной техники как в практическом, так и в теоретическом плане. В докладе Л. Кальмара (Венгрия) «Является ли ЭВМ самостоятельной наукой?» обосновывается положительный ответ на данный вопрос. В других докладах

близкого содержания, прочитанных в основном на секции теории автоматов и языков программирования (секция III), а также в выступлениях на симпозиуме «Математические основы теории ЭВМ», состоявшемся 3 сентября, главное внимание было обращено на раскрытие и уточнение содержания основных понятий этой теории. Например, доклад К. Ч у л и к а (Чехословакия) «Логический анализ языков программирования» был посвящен уточнению определений понятий языка вообще, машинно зависимых языков программирования и схемы языка программирования. Близкие вопросы рассматривались в докладе П. Л а у э р а (Австрия) «Консистентные и комплиментарные формальные определения языков программирования». Внимание лингвистов привлек доклад Г. С. Ц е й т и н а (СССР) «Черты естественных языков в языках программирования». Б. А. Т р а х т е н б р о т (СССР) предложил в своем докладе «Формализация некоторых понятий в терминах сложности вычислений» определение независимости сегмента текста, записанного на машинном языке, с точки зрения его синтагматики и парадigmatики.

На общем фоне все повышающегося интереса к приемам формализации научных исследований в настоящее время складывается два основных подхода к пониманию методической и методологической роли формализмов. Для таких наук, как история, социология, психология, биология, в которых формализация ограничена пока попытками создания собственного формального аппарата или частичного использования элементарных математических понятий, характерна тенденция превращать новые методы в самоцель исследования, исключив из научного анализа все, что не сводимо к понятиям отношения или структуры. Напротив, представители тех наук, в которых уже развит и тонко дифференцирован аппарат формализации, все большее значение придают проблемам глубокого онтологического анализа используемых понятий, поиску универсальных приемов содержательной интерпретации результатов формального анализа, разработке средств учета индивидуальных свойств элементов объекта, отношения между которыми представлены формальной моделью этого объекта. Так, Е. Г а р у л л а (Италия) в докладе «Онтологические и формальные основы логики» заявил: «Хотя системы современной логики, оперирующие символами, освобождают логическое мышление от онтологии, однако действительность объективна, и мышление должно отразить ее структурную необходимость». Поисками путей укрепления методологической роли формализации за счет введения в научное рассмотрение тех характеристик исследуемых объектов, которые присущи им онтологически, но не отражаются в формаль-

ном аппарате теории, продиктованы призывы к установлению связи между логическими и историческими элементами (Б. М. К е д р о в, СССР), между логической и физической необходимостью (М. М а р к о в и ч, Югославия). Установлению таких связей должно содействовать введение понятий практической осуществимости теоретических и конструктивных построений (М. К о в а ч, Венгрия), диалогии (А. Т е с т а, Италия), интегральной логики (А. Б у н к о в, Болгария). В русле этих идей следует рассматривать также доклады по семантике, например, Э. А г а ц ц и (Италия) «Формализация эмпирических теорий и их семантика», М. В. П о п о в и ч а (СССР) «Доказательство фактом и семантическая информация», Е. Д. С м и р н о в о й (СССР) «Теория семантических категорий и анализ понятия логической формы». Иными словами, конгресс показал, что именно в связи с широким и эффективным использованием методов формализации как в универсальных, так и конкретных науках, все более явно осознается потребность в практическом использовании принципов диалектики и появляется новая благоприятная почва для конкретизации и углубления этих принципов. Этот вывод можно было бы подкрепить цитатами из многих докладов и выступлений [Б. М. К е д р о в; Ж. Л. Д е т у ш (Франция), Р. К л и б а н с к и й (Канада) и др.]. Например, М. В а д е (Франция) в докладе «Гегелевская модальная логика и ее современное значение» подчеркивает, что «использование результатов формализации может быть эффективным только в контексте принципов диалектики».

Все намечившиеся на конгрессе общеметодологические тенденции современной науки получили отражение и в докладах на секции методологии и философии лингвистики, где рассматривались также и проблемы структурного литературоведения. Проявилось это, во-первых, в том, что в подавляющем числе докладов так или иначе рассматривались вопросы внедрения точных методов и разработки формализмов для целей лингвистического анализа. Правда, многие докладчики не столько обсуждали проблемы методологии и философии, сколько излагали новейшие результаты в области математической лингвистики, развивающие идеи порождающих грамматик или посвященные проблемам аналитических и теоретико-множественных моделей языка. Внимание специалистов привлекли, например, доклады: А. К а ш е р (Израиль) «Слова, игры и прагмемы»; С. И с а р д и Х. К. Л о н г и т - Х и г г и н с (Англия) «Модальная игра тик-так-то»; Л. В а й н а - П у ш к э (Румыния) «Проективный синтаксис в поэтике»; Д. М ы р з а (Румыния) «Вопросы композиции в „Корчме Анникуцы“ М. Садовяну»;

Т. Штефанеску-Прибой (Румыния) «Литературоведение: некоторые механизмы его развития». Естественно, что обсуждались и пути распространения формального аппарата логики и математики на языковые категории, наиболее «неподатливые» для формализации. Этой проблеме был посвящен, например, доклад А. Гюитера (ФРГ) «Неопределенность как препятствие оценки аргументации в естественном языке средствами формальной логики», П. Сгала (Чехословакия) «Статус семантики в генеративном описании», Э. Василиу (Румыния) «Методологические заметки по поводу некоторых основных положений трансформационной грамматики». В докладе Ю. А. Петрова (СССР) «Относительно семиотического обоснования вопросов» было предложено такое расширение исчисления предикатов, которое позволяет отражать средствами формальной логики тексты, содержащие и вопросительные предложения. У. А. Фишер (ФРГ) рассматривал пути формализации понятия толерантности (т. е. допустимости, но не обязательности) в приложении к проблемам использования языковых единиц в речевых последовательностях.

Тенденция к обособлению теории использования ЭВМ как самостоятельной науки преломилась на лингвистической секции в обсуждение вопроса о правомерности выделения новой лингвистической дисциплины — инженерной лингвистики. Аргументом в пользу такого выделения послужили как практические результаты автоматического индексирования, реферирования и перевода научных текстов, продемонстрированные в докладе Р. Г. Пиотровского (СССР) «Лингвистические антропии и автоматический перевод текстов», так и результаты анализа общеметодологических проблем, инженерно-лингвистический подход к которым открывает новые пути для их разрешения. Подтверждением того, что возникновение этого нового лингвистического направления является объективным процессом, служат и высказывания Х. Шнелле (ФРГ), содержащиеся в его докладе «Проблемы теоретической лингвистики».

Успехи в области формализации лингвистики содействуют пониманию необходимости создания такой теории, которая способствовала бы получению качественно новых результатов за счет сочетания формальных методов с эвристическими приемами. В связи с этим ряд докладов был посвящен проблемам онтологии языка и семантики, сопоставлению методологических основ различных школ лингвистики, влиянию неязыковых факторов на развитие и функционирование языка. Эти вопросы рассматривались, например, в докладах: Р. Новак (Чехословакия) «Новый подход к проблеме

внутренней формы», Х. Вальд (Румыния) «Язык и негэнтропия», К. Попа (Румыния) «Естественный язык, идиолект, речевой акт», Я. Котарбинская (Польша) «Об окказиональных выражениях», Д. Виттих (ГДР) «Философское значение языковой стратификации», И. Дуриданов (Болгария) «О логической основе грамматических категорий» и др.

В эксплицитной форме эти призывы к созданию методологических основ лингвистики, объединяющих достоинства формального и содержательного, структурного и субстантного, статического и динамического, синхронического и диахронического и других обычно метафизически противопоставляемых подходов прозвучали, например, в докладах Р. Швейгера (Румыния) «Интуитивные процедуры и дедукция в лингвистике», Ф. Вандемме (Бельгия) «Возможности нового подхода к лингвистической теории», Г. П. Мельникова (СССР) «Критерий целесообразности при объяснении прошлого, настоящего и будущего языковых систем (к методологии системной лингвистики)», Е. Анкуца (Румыния) «Логика, онтология и язык».

С большим интересом ожидали лингвисты объявленные в программе доклады С. К. Шаумяна, В. Н. Ярцевой, И. И. Ревзина, В. З. Панфилова, В. В. Иванова, В. А. Виноградова, Е. Л. Гинзбурга, не сумевших, к сожалению, принять участие в работе секции.

Во время работы конгресса функционировала выставка книг по логике, методологии и философии науки, представленных странами — участниками конгресса. На этой выставке была широко представлена и советская литература.

По общему мнению как советских, так и зарубежных делегатов международный обмен в области логики, методологии и философии науки содействует повышению эффективности работы ученых и росту их роли в современной научно-технической революции.

Следующий Международный конгресс логики, методологии и философии науки решено созвать в 1975 г.

Г. П. Мельников (Москва),
Р. Г. Пиотровский (Ленинград)

*

9—11 июня 1971 г. в Ленинграде состоялась V Тюркологическая конференция, организованная ЛО ИВ АН СССР. В программу конференции было включено более 50 докладов и сообщений по актуальным вопросам изучения языков, истории и литературы тюркских народов. Конференцию открыл председатель Оргкомитета чл.-корр. АН СССР А. Н. Кононов, подчеркнувший

важность и необходимость изучения научного наследия тюркологов прошлого века, в ряду которых особое место занимают О. Н. Бётлингк и В. Д. Смирнов (последний, хотя и не оставил специальных лингвистических трудов, живо интересовался вопросами турецкого языка и его истории, свидетельством чему являются многочисленные языковедческие замечания, рассеянные в его исторических и литературоведческих трудах). На пленарном заседании были прочитаны доклады А. С. Тверитиновой (Москва) «В. Д. Смирнов — историк Турции (К 125-летию со дня рождения)», Е. И. Маштаковой (Москва) «В. Д. Смирнов — исследователь турецкой литературы», Е. И. Коркиной (Якутск) «О. Н. Бётлингк и его „Грамматика якутского языка“ (к 120-летию со дня издания)». Е. И. Коркина подробно охарактеризовала как принципы, лежащие в основе этой грамматики, так и языковой материал, на котором она построена, рассказала об истории создания грамматики.

На лингвистической секции был прочитан доклад Е. И. Убрятвой (Новосибирск) «Синтаксис сложноподчиненного предложения в труде О. Н. Бётлингка „О языке якутов“». В этом труде по тогдашней традиции сведения по синтаксису даются лишь при перечислении употребления грамматических форм, но фактически в этом разделе изложен весь синтаксис простого предложения якутского языка. Отношение О. Н. Бётлингка к сложноподчиненному предложению определялось его взглядами на глагольно-именные и деепричастные формы — первые рассмотрены им в именном словообразовании, в разделе словоизменения он их не касается, и лишь в разделе «Syntax» они вошли в главу «О глаголе». Считая, что якуты с помощью глагольных имен «выражают придаточные предложения других языков», О. Н. Бётлингк рассматривает якутские причастные и деепричастные конструкции в составе простого предложения.

Почти все доклады, прочитанные на лингвистической секции, были посвящены вопросам бессоюзного сложноподчиненного предложения в тюркских языках.

А. З. Абдуллаев (Баку) в докладе «Бессоюзное сложноподчиненное предложение в современном азербайджанском языке» (доклад прочитан В. И. Аслановым) отметил, что связь между компонентами сложноподчиненных предложений устанавливается посредством не только союзов, но и указательных местоимений, местоименно-наречных слов, наречий, модальных слов, интонации, порядка следования компонентов. По мнению докладчика, одноядерное сложноподчиненное предложение образовалось от простых распространенных

предложений путем расширения глагольного состава; двухъядерное же сложноподчиненное предложение генетически связано с бессоюзным сложносочиненным предложением. В докладе показано, что в современном азербайджанском языке все типы сложноподчиненного предложения могут быть бессоюзными, за исключением сложноподчиненного предложения с придаточным обстоятельством места.

В. И. Асланов (Баку) в докладе «К проблеме генезиса одного из типов сложноподчиненного предложения с придаточным дополнением», отметив, что в арабском и персидском языках нередко «подлежащее» придаточного дополнительного предложения ставится в форме винительного падежа, подчеркнул, что аналогичная картина наблюдается и в тюркоязычных памятниках арабского письма. Употребление союза *ki* в таких предложениях носит факультативный характер; примечательно, что, если в сложноподчиненных предложениях с союзом *ki* последний, как правило, ставится непосредственно после сказуемого главного предложения, то в рассматриваемом типе сложноподчиненного предложения место *ki* неустойчиво: «*hüsnîñä säddä gilmajanä säniñ, häq dedi adinî ki, Sejtandur*» (Несими). Докладчик сделал попытку доказать, что данный тип сложноподчиненного предложения возникает и формируется на чисто тюркской почве и получает свое дальнейшее развитие, как только находит параллели в арабском и персидском языках.

В докладе Н. А. Баскакова (Москва) «Природа притяжательных определительных словосочетаний и их роль в эволюции сложных синтаксических конструкций в тюркских языках» анализировался тот тип этих конструкций, у которого определение выражено родительным падежом, а определяемое оформлено аффиксом принадлежности. Эти конструкции рассматривались докладчиком как генетически трансформированные предикативные конструкции, в которых субъект-подлежащее преобразован в субъект принадлежности. Подобные словосочетания и предложения были обратными. В современных языках такая обратимость сохранилась только у некоторой части конструкций (например, каракалп. *men kelgen men* «я пришел» и *meniñ kelgenim* «мой приход в прошлом»).

Докладчик связывает именно с притяжательными словосочетаниями развитие предложений с развернутыми членами, которые являются в тюркских языках конструкциями, соответствующими конструкциям сложного предложения с придаточными. Дальнейшее усложнение конструкций предложения характеризуется сочлененными предложениями, цепочечными деепричастными конструкциями и, наконец, смешанными сложными конструкциями, состоящими из сочлененных

простым примыканием предложений, сочиненных и подчиненных друг другу, цепочечных деепричастных конструкций, предложений с развернутыми членами и предложений, осложненных придаточными конструкциями.

П. И. Кузнецов (Москва) в докладе «Придаточные предложения с формой на *-дук* в памятниках орхон-енисейской письменности» в синтагмах типа *qutim bar üdün...* «так как у меня было счастье...», *täpri jarliqaduq üdün...* (ср. ту же конструкцию с аффиксом принадлежности: *...jarliqaduqin üdün*) «так как небо приказало» усматривает бессоюзные придаточные предложения причины, «замыкаемые» послелогом *üdün* «так как». Связь между главными элементами конструкций этого типа признается не притяжательной, а предикативной, что определяется самим характером древней формы на *-дук*, которая, как полагает П. И. Кузнецов, первоначально была формой *verbum finitum*.

В докладе Г. А. Гайдаржи (Бельцы) «Сложные предложения с придаточными относительного подчинения в гагаузском языке» подробно рассматривался этот тип предложений, в котором придаточные вводятся относительными местоимениями и наречиями; особо отмечалось, что придаточные предложения относительного подчинения могут выполнять самые различные синтаксические функции (они не могут быть только придаточными причины, цели и условия, что, вероятно, тоже можно объяснить структурными особенностями этого типа сложного предложения).

В докладе А. Н. Баскакова (Москва), доклад был прочитан В. И. Аславовым) «Некоторые спорные вопросы в изучении турецкого бессоюзного сложноподчиненного предложения» отмечалось, что неустановленность в тюркологии критериев придаточных предложений затрудняет разграничение простых пространственных и сложных предложений в тюркских языках. Анализ бессоюзных сложноподчиненных предложений возможен только после строгого разграничения придаточных предложений и оборотов с неличными формами глагола (т. е. атрибутивно-определятельных и атрибутивно-обстоятельственных словосочетаний). Подробное рассмотрение турецких бессоюзных сложноподчиненных предложений позволило докладчику признать лексико-семантическое значение компонентов такого предложения основным фактором, определяющим как само подчинение, так и его способы, а также грамматические значения, возникающие между этими компонентами.

В докладе А. Н. Кононова «О некоторых типах бессоюзного сложноподчиненного предложения в турецком языке» нашли дальнейшее развитие взгляды докладчика на структурные

типы сложноподчиненного предложения, изложенные в его фундаментальной «Грамматике современного турецкого литературного языка» и в других синтаксических работах. А. Н. Кононов подчеркнул, что бессоюзное сложноподчиненное предложение — это такое, части которого грамматически оформлены как предложения и объединяются в сложное целое посредством морфологических, лексических и ритмико-интонационных средств. В докладе подробно анализировалась вопросительная энклитика как морфологическое средство объединения главного и придаточного предложения в единое сложное целое. Как показал докладчик, *verba sentiendi, verba dicendi* в качестве сказуемого главного предложения соединяются с зависимой частью способом примыкания.

Г. П. Мельников (Москва) в докладе «Синтаксическое значение и синтаксический смысл в тюркских бессоюзных сложноподчиненных конструкциях» поставил вопрос: можно ли говорить о семантической эквивалентности предложений с бессоюзными, как и союзными, придаточными и соответствующих простых предложений с именами действия (например, на *-дык*), и если нет, то каковы критерии выбора той или иной формы выражения сложной мысли в каждом конкретном случае? Используя то позитивное, что содержится в несправедливо забытых «психологических» идеях младограмматиков, а также в современных достижениях психолингвистики, логики, кибернетики, докладчик стремился показать, что выбор той или иной из сравниваемых форм выражения мысли в сложном сообщении определяется тем, какая часть сообщения выступает в роли темы.

В докладе «Сложные бессоюзные предложения в произведениях туркменских поэтов XVIII—XIX вв.» З. Б. Мухамедова (Ашхабад) проанализировала сложноподчиненные и сложносочиненные бессоюзные предложения, встречающиеся в поэтических произведениях Махтумгули и Кемине.

В докладе Л. А. Покровской (Москва) «Особенности структуры сложноподчиненных бессоюзных предложений в гагаузском языке и балкано-турецких диалектах» (доклад прочитан Г. А. Гайдаржи) отмечалось, что бессоюзное подчинение предложений в синтаксисе гагаузского языка занимает небольшое место по сравнению с союзным и относительным. Наиболее распространенным структурным типом бессоюзных придаточных предложений являются конструкции с конъюнктивом, синтаксическая функция которых не зависит от того, совпадают или не совпадают субъекты действия у предикатов главной и зависимой частей сложного предложения; этот тип присущ и гагаузским говорам Болгарии, и ряду балкано-турецких диалектов

и говором: он развился на базе союзных предложений с *ki*, который при конъюнктиве-сказуемом придаточного предложения опускается (*coşuq geldiki işini bitirsin*) *coşuq geldi işini bitirsin*).

Э. В. Севортян (Москва) в докладе «Некоторые семасиологические вопросы сложного предложения в тюркских языках» (доклад прочитал Д. М. Насилов) отметил, что семасиологический аспект учения о сложном предложении в ряду семантических характеристик сложного предложения должен непременно учитывать условия, при которых происходит объединение двух или более предложений в одно сложное целое. Исторически путь образования сложных предложений Э. В. Севортян представляет так: от простого предложения через сложносочиненное к сложноподчиненному предложению. Такая внешне логичная и последовательная схема развития сложного предложения исторически нуждается, однако, в существенной поправке, касающейся бессоюзного сложноподчиненного предложения. Учитывая, что в языке енисейско-орхонских памятников наряду с формально выраженными сложноподчиненными предложениями весьма широко распространены бессоюзные сложносочиненные предложения, можно полагать, что бессоюзное сложносочиненное предложение сложилось гораздо раньше времени создания памятников древнетюркской письменности, чего нельзя сказать о бессоюзных сложноподчиненных предложениях. По мнению докладчика, бессоюзное сложноподчиненное предложение сложилось и развилось сравнительно поздно, под влиянием формально выраженного (союзом или иными способами) сложноподчиненного предложения.

С. А. Соколов (Москва) в докладе «Внесенные предложения в составе бессоюзного сложного предложения (на материале турецкого языка)» проанализировал наблюдающееся в турецком языке (особенно в устной речи) явление парентезы, когда структура одного предложения размыкается и в место разрыва включается другое, интонационно обособленное, предложение, которое, как правило, содержит либо эмоциональную оценку, либо уточнения. В соответствии с семантикой включенные (внесенные) предложения первого типа могут быть названы вводными, а предложения второго типа — вставными (вставочными) предложениями. Оба типа предложений выходят за рамки подчинения и сочинения и должны быть выделены в синтаксисе сложного предложения в особый разряд, образующий «бессоюзные сложные предложения с внесенными предложениями в их составе».

М. Ш. Ширалиев (Баку) в докладе «Некоторые соображения о сложноподчиненном бессоюзном предложении», отметив недостаточную изученность смыс-

ловых связей между компонентами сложного целого, типов связи в сложноподчиненном бессоюзном предложении, как и отсутствие соответствующей классификации, предложил распределить сложноподчиненные бессоюзные предложения по двум типам. Аналитический тип, где смысловые отношения между компонентами выражаются интонацией, легко может трансформироваться в сложноподчиненное союзное предложение; этот тип исторически является переходным между сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями. В синтетическом же типе сказуемое придаточного предложения связывается с главным предложением посредством условной формы глагола или вопросительного аффикса.

И. П. Павлов (Чебоксары) в докладе «О структурных особенностях бессоюзных сложноподчиненных предложений в чувашском языке» призвал изучать такие предложения как с точки зрения смысловых отношений между их компонентами, так и с точки зрения их структурных особенностей. В чувашском языке бессоюзные сложноподчиненные предложения отличаются от бессоюзных сложносочиненных предложений наличием таких релевантных факторов, как опорное слово в составе главного предложения, строго фиксированный порядок компонентов и др.

А. Х. Фатыхов (Уфа) в своем выступлении подчеркнул, что при классификации бессоюзных сложных предложений нужно учитывать структурно-типологические способы связи компонентов, семантико-синтаксические отношения между ними и строевое назначение каждого отдельного компонента.

Г. Ф. Благова (Москва) в докладе «Некоторые вопросы развития средневекового среднеазиатского тюркского литературного языка» подчеркнула, что изучение любых вопросов этого круга требует всестороннего учета достижений советского языковедения в области теории развития литературных языков; это тем более необходимо, что в тюркском языковедении изучение истории литературных языков в донациональный период, по сути дела, до сих пор не оплодотворялось от исторической грамматики. Основываясь на проведенных ею сопоставлениях в области глагольно-именных форм в языке «Бабур-наме» (рубеж XV—XVI вв.) и в современных тюркских языках Средней Азии, Г. Ф. Благова попыталась прояснить отношения диалектной основы чагатайского языка и живых среднеазиатских тюркских языков.

На секции истории и филологии тюркских народов были прослушаны доклады, посвященные определению ближайших задач изучения сельджуцкой и огузской проблем, обзору тюркоязычной литературы в эпоху сельджуков, этимоло-

гическому анализу ряда слов и другим проблемным вопросам.

В докладе «К вопросу о письменной традиции в анатолийских памятниках XIII—XIV вв.» Э. А. Грунина (Москва), опираясь на ранее высказанные гипотезы, предложила рассмотреть письменные языки Анатолии и золотоордынско-хорезмского ареала в XIII—XIV вв. как самостоятельные линии развития предполагаемого интердиалекта, устная форма которого, очевидно, сложилась в пределах державы сырдарьинских ягбу в IX—X вв. В XI—XII вв. в сельджукских владениях в районах концентрации огузо-туркменских племен (Хорасан, северо-западный Иран, Азербайджан) происходит зарождение письменной литературы и письменного языка, более развитой стадией которого явился язык памятников Анатолии. Для реконструкции черт стадии устного интердиалекта сопоставляются черты поздних памятников разных ареалов (анатолийские, золотоордынско-хорезмские, спорные по датировке, типа «Кысса-и Юсуф» Али, «осколки» восточноогузского языка, сохранившиеся на территории бывшего сельджукского государства в более поздние эпохи.

А. М. Щербак (Ленинград) в сообщении «О рунической письменности в юго-восточной Европе» на основе анализа многих рунических или рунообразных надписей обрисовал границы распространения рунической письменности в юго-восточной Европе (исключая обособленную

группу рунообразных надписей, найденных в Болгарии и Румынии) следующим образом: на севере — верховья Дона, на востоке — излучина Волги, на западе — Дни, на юге — Кавказские горы. В этом районе в период с VI по X в. находились касоги, аланы, бургары (булгары), хазары, печенеги, «хазарские печенеги» и мадьяры, одни продолжительное время, другие — сравнительно недолго. По мнению А. М. Щербака, руны могли иметь, вероятнее всего, булгары, хазары и печенеги.

Анализ огузских лексических элементов в трудах восточных филологов был посвящен доклад Э. И. Фазылова (Ташкент).

Секция истории Турции была представлена 8 докладами, которые касались вопросов истории русско-турецких, ирано-турецких, германо-турецких отношений, возникновения первых социалистических организаций в Турции и т. п.

На конференции был заслушан также отчет главного редактора журнала «Советская тюркология» М. Ш. Ширалиева о деятельности этого всесоюзного научно-теоретического издания за 1970 г. Конференция одобрила деятельность журнала, что нашло отражение в принятой на конференции резолюции.

Участниками конференции было высказано пожелание созвать VI Тюркологическую конференцию в июне 1973 г.

В. И. Асланов (Баку).

В статье И. К. Белододе (1972, № 1) последний абзац на стр. 5 следует читать: «Понятие „народ“ в практике социалистического строительства в СССР получило несколько аспектов своего содержания...»; на стр. 8 первую строку последнего абзаца следует читать: «Формирование и развитие новой исторической общности людей...»; на стр. 14 строку 21 сверху следует читать: «и общественных функций, т. е. происходит процесс, наблюдаемый...»

The Editorial Board of the journal «Voprosy Jazykoznanija» is very much obliged to the Publishing Houses who send us their books for review. The Editorial Board announces that it cannot guarantee the review of all the books received at the Editorial office. The critiques will be published according to the possibilities of our journal. Two offprints of the review will be sent to the Publishers. Books received are not sent back.

CONTENTS

Articles: B. A. Serebrennikov (Moscow). On linguistic universals; **Discussions:** V. I. Georgiev (Sofia). On modern developments in the «decipherment» of the Etruscan language; O. A. Lapteva (Moscow). Unsolved problems of the functional sentence perspective; T. M. Nikolayeva (Moscow). The functional sentence perspective as a category of text grammar; Y. Firlas (Brno). The function of the question in the process of communication; A. L. Pumpsanskij (Moscow). On logical-grammatical division of the sentence; **Materials and notes:** V. Kiparskij (Helsinki). On the development of *ь* in the suffixes *-ьск* and *-ьство*; A. Bartoševič (Poznań). The definition of the system of word-formation; I. S. Kozurev (Orel). From the history of prepositions used with forms of comparative degree of adjectives in Bielorussian and Russian languages; H.-J. Schädlich (Berlin). The processes of differentiation and levelling in German from the point of view of phonology; N. A. Syromiatnikov (Moscow). The definition of cognate roots; **Critics and bibliography; Scientific life.**

SOMMAIRE

Articles: B. A. Serebrennikov (Moscou). Sur les universaux linguistiques; **Discussions:** V. I. Georgiev (Sofia). L'état actuel du «déchiffrement» de la langue étrusque; O. A. Lapteva (Moscou). Problèmes en suspens dans la théorie de la perspective fonctionnelle de la proposition; T. M. Nikolayeva (Moscou). Perspective fonctionnelle de la proposition comme catégorie de la grammaire du texte; Y. Firlas (Brno). La fonction de la question dans le procès de communication; A. L. Pumpsanskij (Moscou). Sur la segmentation de la proposition du point de vue logique et grammaticale; **Matériaux et notices:** Sur le développement de *ь* dans les suffixes *-ьск* et *-ьство*; A. Bartoševič (Poznań). La définition du système de la formation de mots; I. S. Kozurev (Orel). De l'histoire des prépositions employées avec les formes du comparatif en biélorusse et en russe; H. J. Schädlich (Berlin). Les procès de différenciation et de nivellement dans la lumière de phonologie; N. A. Syromiatnikov (Moscou). La définition des racines apparentées; **Critique et bibliographie; Vie scientifique.**

Технический редактор *Е. С. Кузьмишкина*

Сдано в набор 28/XII—1971 г.	Т-05013	Подписано к печати 10/III—1972 г.	Тираж 7220 экз.
Зак 3231	Формат бумаги 70×108/16	Усл. печ. л. 13,3 Бум. л. 4 ³ / ₄	Уч.-изд л. 14,6

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10